

*Путешествие
на
«Ослепительном»*

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I БРАТ И СЕСТРА

Залитый солнцем песчаный берег Тихого океана, шумевшего прибоем гигантских валов, остался позади. Выбежав на дорогу, они вскочили на свои велосипеды, сразу дали быстрый ход и вскоре окунулись в зеленые аллеи загородного парка.

Их было трое — трое мальчишек-подростков в ярких свитерах. Они покатали по велосипедной дорожке с таким шиком, как обыкновенно любят ездить все мальчишки в ярких свитерах, рискуя ежеминутно переступить черту дозволенной скорости. Пожалуй, можно было сказать, что они уже и переступили эту черту. Так думал и конный полисмен, следивший за порядком в парке, но он не был полностью в этом уверен и потому ограничился лишь предостережением, брошенным вдогонку, когда они пролетали мимо. Предостережение в первую минуту подействовало, но, как всегда водится у мальчишек в ярких свитерах, было мгновенно забыто ими на ближайшем же повороте дорожки.

Стрелой вылетев из парка «Золотые ворота», они повернули в сторону Сан-Франциско и так отчаянно понеслись под гору, что встречные пешехо-

ды оборачивались и некоторое время с тревогой глядели им вслед. По городским улицам яркие свитеры неслись, сворачивая то влево, то вправо, чтобы избежать крутых подъемов, а когда пригорок объехать было нельзя, они пускались наперегонки: кто первый взлетит наверх.

Того, который мчался впереди и был инициатором состязаний на подъемах, товарищи называли Джо. Они играли в игру «Следуй за вожаком», и Джо, самый смелый и самый веселый мальчик из этой компании, был вожаком. Впрочем, когда они въехали в Уэстерн-Андишн и помчались мимо огромных богатых особняков, смех Джо стал уже не таким громким, раздавался все реже, и он как-то невольно стал держаться позади приятелей. На перекрестке улиц Лагуна и Вальехо товарищи Джо свернули вправо.

— До свиданья, Фред! — крикнул Джо, поворачивая руль влево. — Всего хорошего, Чарли!

— Вечером увидимся! — крикнули они в ответ.

— Нет, я не приду.

— Непременно приходи! — просили его товарищи.

— Нет, нет! Мне надо зубрить! До свиданья!

Когда он остался один, лицо его стало серьезно, а глаза затуманились какой-то неопределенной тревогой. Он принялся насвистывать самым решительным образом, но свист его постепенно замирал, стал еле слышным и оборвался окончательно, когда он подъехал к большому двухэтажному дому.

— Джо, это ты?

Джо остановился в нерешительности перед дверью, ведущей в библиотеку. Он знал, что Бесси

там; она старательно готовит уроки, наверное, уже заканчивает их; она всегда управляется до обеда, а скоро уже обед.

Он же до своих уроков еще не дотрагивался! Все это раздосадовало его.

Подумать только, сестренка на два года младше, а в одном классе с ним; мало того, учится куда лучше, чем он, и эта мысль была для него просто невыносима. Не то чтобы он был так уж туп. Он отлично знает, что он не туп. Но все как-то выходит — и неизвестно почему, — что мысли его вечно отвлекаются в сторону, и он почти никогда не успевает приготовить уроки.

— Джо, да войди же сюда, пожалуйста! — Едва слышная жалобная нотка прозвучала на этот раз в голосе Бесси.

— Ну, чего тебе надо? — спросил он, порывисто отодвигая портьеру.

Он произнес эти слова довольно грубо, но сразу же пожалел об этом, взглянув на маленькую, тоненькую девочку, смотревшую на него печальными глазами из-за громадного письменного стола, заваленного книгами. Она сидела с карандашом и тетрадкой в руках, съежившись в огромном кресле, в котором совершенно терялась ее хрупкая фигурка.

— Ну что, сестричка? — спросил он более мягким тоном, подходя к ней.

Она схватила его руку, прижала к своей щеке и прильнула к нему.

— Что с тобой, милый Джо? — спросила она шепотом. — Скажи мне, пожалуйста.

Он ничего не ответил. Смешно, в самом деле, исповедоваться перед маленькой сестренкой, хотя

у нее отметки и были лучше, чем у него. Ему казалось смешным и то, что эта маленькая девочка всерьез пытается узнать, что у него на душе.

«Однако какая нежная у нее щечка! — думал он в то время, когда она, ласкаясь, водила щекой по его руке. — А все-таки как бы поскорее высвободить руку и покончить со всеми этими глупостями!» Только бы не обидеть ее — ведь он хорошо знает по опыту, как легко обижаются девочки.

Она разогнула его сжатые пальцы и поцеловала ладонь. Точно розовый лепесток упал ему в руку. Этим поцелуем Бесси давала понять, что настаивает на своем вопросе.

— Со мной ровно ничего, — решительно объявил он. И затем, казалось бы ни с того ни с сего, вдруг добавил: — Отец!.. — Его тревога отразилась теперь в ее глазах.

— Но ведь папа такой добрый, такой хороший, Джо, — пролепетала она. — Почему ты не слушаешься его? Ведь он не много от тебя требует, а если и требует, то ради твоей же собственной пользы. Ведь ты гораздо умнее других мальчиков. Если бы ты занялся уроками, хоть чуточку!

— Вот, вот! Пошли нравоучения! — вспыхнул он, выдергивая руку. — Теперь и ты еще будешь мне читать нотации? Скоро очередь дойдет до повара и конюха.

Он засунул руки в карманы и мысленно представил себе безотрадное, мрачное будущее, с бесконечными выговорами от бесчисленных наставников.

— Ты за этим звала меня? — спросил он, поворачиваясь к выходу.

Она снова схватила его за руку.

— Нет-нет, не за этим; но мне показалось, что тебя тревожит что-то, и я подумала... я... — Голосок ее оборвался, и она, немного помолчав, добавила: — Я хотела сказать тебе, что мы собираемся на прогулку в Окленд, в горы, по ту сторону залива, в эту субботу.

— Кто это «мы»?

— Миртл Хэйс...

— А, эта мямля! — перебил он.

— Она вовсе не мямля! — с жаром возразила Бесси. — Она самая милая девочка из всех, кого я знаю.

— Не очень убедительный довод, принимая во внимание круг твоих знакомых девочек... Дальше. Кто там еще?

— Пирл Сэйтер и ее сестра Элис, и Джесси Хилбон, и Сэди Френч, и Эдна Кротерс. Вот и все девочки.

Джо презрительно фыркнул:

— А кто из мальчиков?

— Морис и Феликс Клемент, Дик Скофилд, Берг Лейтон и...

— Довольно с меня и этих. Все до одного — кисейные барышни!

— Я... я хотела пригласить тебя, Фреда и Чарли, — сказала она дрожащим голосом. — Я затем и позвала тебя, чтобы пригласить всех вас...

— А что вы там собираетесь делать?

— Погулять, нарвать полевых цветов — дикие маки уже в цвету, — потом закусить где-нибудь на красивой лужайке... и... и...

— И вернуться домой, — договорил он.

Бесси кивнула. Джо снова засунул руки в карманы и зашагал взад и вперед по комнате.

— Компания девчонок, — сказал он резко, — и их планы! Нет, это не по мне.

Она закусила дрожащие губы и, стараясь не расплакаться, спросила:

— А ты бы что хотел?

— Я бы лучше с Фредом и Чарли отправился куда-нибудь и сделал бы что-нибудь, ну, что-нибудь такое...

Он замолчал и посмотрел на нее. Бесси терпеливо ждала, что он скажет дальше. Но Джо ощущал полнейшее бессилие выразить словами обуревавшие его чувства и стремления; все его тревоги и неудовлетворенность вообще поднялись в нем и охватили все его существо.

— О, ты не можешь меня понять! — сказал он горячо. — Ты не можешь меня понять! Ты девочка. Ты любишь опрятность и аккуратность, похвальное поведение и круглые пятерки. Тебя не манят опасные приключения и все такое... Тебе не нравятся живые и смелые мальчики; они тебе кажутся грубыми, неотесанными; тебе нравятся прилизанные мямли в белых воротничках и чистеньких костюмчиках, которые специально остаются в классе на большой перемене, чтобы учительница погладила их по головке и похвалила за то, что они хорошо учатся. Милые мальчики, у которых никогда не бывает никаких неприятностей; они мечтают только о приятных прогулках с букетиками и закусочками в обществе таких же миленьких девочек. О, я прекрасно знаю таких паинек, они боятся собственной тени, и в них не больше храбрости, чем в любой овце. И действительно — это овцы! Ну а я тебе не овечка, вот и все! И на пикник ваш я ехать не хочу и не поеду!

Темные глазки Бесси наполнились слезами, губы задрожали. Это еще больше раздражило его. Что за несносные создания эти упрямые девчонки! Вечно дуются, вечно хнычут, вечно суются не в свое дело. У них положительно чего-то не хватает.

— Слова нельзя сказать, чтобы ты не заревела, — произнес он примирительно. — Я же ничего не сказал обидного, сестричка. Право, ничего. Я...

Он растерянно остановился и взглянул на нее. Она всхлипывала и вздрагивала, готовая разрыдаться. Крупные слезы текли у нее по щекам.

— Ох уж мне эти девчонки! — сказал он в сердцах и решительно вышел из комнаты.

Глава II

«РЕФОРМЫ ДРАКОНА»

Через несколько минут Джо, все еще раздраженный, вошел в столовую. Он упорно молчал за столом, хотя отец, мать и Бесси вели оживленный разговор. Свирепо уткнувшись в тарелку, Джо думал: «Вот мы какие! Разливаемся, плачем, а мину-ту спустя улыбаемся и хохочем. Наш брат этого не понимает. Будьте уверены, что если бы *нас* что-нибудь могло довести до слез, то мы несколько суток ходили бы как повешенные. Все девчонки притворщицы, такая уж у них повадка. Они не чувствуют и сотой доли того, о чем говорят, когда плачут. Разумеется, нет. Должно быть, они хнычут так часто потому, что им это нравится. Они любят терзать людей, особенно нас, ребят. Потому-то они и вмешиваются в наши дела».

Предаваясь глубокомысленным размышлениям, он в то же время с аппетитом ел и отдал должную

дань всем блюдам, ибо, согласитесь сами, трудно не проснуться здоровому аппетиту, если ты промчался на велосипеде от Клифф-Хауза до Уэстерн-Алдишн через весь загородный парк.

Отец по временам искоса поглядывал на сына. Джо этого не замечал, но Бесси хорошо это видела. Мистер Бронсон — человек средних лет — был хорошо скроен и крепко шит, несколько, правда, тяжеловат, но не тучен. У него было энергичное угловатое лицо с квадратным подбородком и резкими чертами, но веселые глаза светились мягко, а складки у рта выражали не суровость, а скорее склонность к юмору.

Поразительное сходство между отцом и сыном бросалось в глаза. У обоих был широкий лоб и выдающийся подбородок, а глаза, несмотря на разницу лет, были схожи, как две пары горошин, вынутых из одного и того же стручка.

— Как твои дела, Джо? — спросил мистер Бронсон в конце обеда.

Со стола уже убрали, и все собирались встать.

— Не знаю, — беспечно ответил Джо и потом прибавил: — У нас завтра экзамены, тогда будет видно.

— Куда теперь направляешься? — спросила мать, когда он повернулся к дверям.

Это была высокая, стройная женщина с карими глазами, как у Бесси, и с такими же, как у нее, мягкими движениями.

— Иду в свою комнату, — ответил Джо и добавил: — Заниматься.

Мать нежно провела рукой по его волосам, наклонилась к нему и поцеловала. Мистер Бронсон поощрительно улыбнулся ему вслед, и Джо взбе-

жал по лестнице на верхний этаж с твердым решением погрузиться с головой в книжку и сдать завтрашний экзамен во что бы то ни стало.

Войдя в свою комнату, он запер дверь, уселся за свой удобный письменный стол и окинул взглядом разложенные на столе учебники.

Джо решил начать с истории, так как экзамены должны были начаться с нее. Он раскрыл книгу на загнутой странице и принялся читать:

«Вскоре после введения реформ Дракона между Афинами и Мегарой разгорелась война из-за острова Саламин, на который оба города заявляли свои права».

Ну, это запомнить нетрудно. Но что из себя представляли эти реформы Дракона? Надо их повторить.

Он снова погрузился в чтение, пробегая глазами пройденные страницы, но тут взор его, оторвавшись от книги, упал на принадлежности для игры в бейсбол, лежавшие на стуле, — на металлическую сетчатую маску и перчатку.

«Мы бы ни за что не проиграли игру на прошлой неделе, если бы Фред не промахнулся. Он какой-то разиня! Правда, ему ничего не стоит поймать сотню трудных мячей один за другим, но в решительную минуту он всегда растеряется из-за сущего пустяка. Надо было выпустить его в поле, а у первой базы поставить Джонса. Только Джонс чересчур горячится. Он поймает любой мяч, как бы это ни было трудно, но никогда не угадаешь, что он будет делать с мячом дальше».

Джо, вздрогнув, вдруг очнулся от раздумий. Нечего сказать, так выучишь историю! Он снова

углубился в книгу: «Вскоре после введения реформ Дракона...»

Три раза прочитав эту фразу, он вспомнил наконец, что не прочитал еще ничего о самих реформах Дракона.

В дверь постучали. Он яростно стал перелистывать страницы, не обращая внимания на стук. Стук назойливо повторился, и из-за двери донесся тоненький голосок Бесси:

— Джо, дорогой!

— Чего тебе? — спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: — Нельзя. Я занят!

— Я пришла узнать, не могу ли я помочь тебе, — сказала она. — Я уже все сделала и думала...

— Ну разумеется, ты уже все сделала! — проворчал он. — Ты всегда все успеваешь сделать!

Джо схватился обеими руками за голову, чтобы не отрывать глаз от книги. Но эта маска для бейсбола не давала ему покоя. Чем больше он старался вникнуть в историю, тем назойливее лезла в голову мысль о лежащей на стуле маске и обо всех тех играх, в которых она принимала участие.

— Нет, так дело не пойдет!

Он перевернул открытый учебник, положил его на стол вверх корешком и подошел к стулу. Схватив маску и перчатку, он швырнул их под кровать с такой силой, что маска отскочила от стены.

«Вскоре после введения реформ Дракона между Афинами и Мегарой разгорелась война...»

«Маска отлетела от стены, — подумал Джо. — Интересно, далеко ли она отлетела. Может, ее видно? Нет, он не будет смотреть. Какое мне до этого дело? Ведь это же не история. А все-таки...»

Джо взглянул поверх книжки и увидел маску, которая высунулась наполовину из-под кровати. Так это оставлять нельзя. Пока эта маска торчит перед глазами, он не может заниматься.

Он встал, вытащил ее из-под кровати, торжественно пронес через комнату, подошел к стенному шкафу, сунул ее туда и запер дверцы. Теперь с ней покончено. Можно будет позаниматься.

Он снова уселся за книжку.

«Вскоре после введения реформ Дракона между Афинами и Мегарой разгорелась война из-за острова Саламин, на который оба города заявляли свои права...»

Все бы хорошо, только бы знать еще, в чем состояли эти реформы Дракона. Слабый отблеск заката проник в комнату. Откуда этот отблеск? Джо выглянул в окно. Заходящее солнце окрашивало длинными косыми лучами низкие легкие облака, игравшие теплыми пурпурными тонами. Красноватый отблеск падал на землю.

Джо перевел глаза с облаков вниз на бухту. Ветер с моря затих с наступлением вечера, и неподалеку от форта Пойнт какая-то запоздавшая рыбацья лодка тихо входила в порт, пользуясь последними вздохами ветерка. Немного дальше буксирное судно, выпуская клубы дыма, выводило в море трехмачтовую шхуну. Взор Джо обратился к видневшемуся вдали берегу округа Марин. Линия берега уже ступевалась в надвигавшейся темноте, и длинные тени ползли вверх по холмам на гору Тамальпэс, четко вырисовывавшуюся на фоне заката.

О, если бы он, Джо Бронсон, плыл на этой рыбацье лодке с богатым морским уловом! Или на этой шхуне, направляющейся прямо в сторону за-

ходящего солнца в неведомые страны! Вот это жизнь, вот это дело! Быть чем-нибудь на этом свете. А вместо этого он торчит в душной комнате и забивает себе голову рассказами о людях, исчезнувших с лица земли за тысячи лет до его рождения.

Джо рванулся прочь от окна, будто вырываясь из каких-то цепких рук, удерживавших его там, решительно понес свой стул вместе с книгой в самый дальний угол комнаты и уселся спиной к окну.

Но спустя минуту — так ему показалось — он очутился снова у окна, предаваясь сладким мечтам. Джо и сам не знал, как это вышло. Последнее, что он помнил, был подзаголовок «Реформы Дракона и его конституция», который он нашел наконец где-то там, на правой странице учебника, и затем, очевидно, как лунатик, который бродит во сне и ничего об этом не помнит, подошел к окну. Неизвестно, сколько времени он простоял тут. Рыбачья лодка, которую он сначала заметил у Форт-Пойнта, теперь уже доползла до верфи Мейггса. Отсюда можно заключить, что прошло не менее часа. Солнце давно уже закатилось; торжественные сумерки упали на океан, и над горой Тамалпаиса заблестали первые бледные звездочки.

Джо вздохнул, отвернулся и побрел было в свой угол, как вдруг услышал долгий пронзительный свист. Это Фред! Джо снова вздохнул. Свист повторился. Затем к нему присоединился новый свист. Это Чарли!

Они поджидают его за углом, счастливые ребята!

Ну нет, сегодня им его не дожидаться! Свистки запели дуэтом. Джо тяжело вздохнул и заерзал на

стуле. Нет, они не дождутся его сегодня, упорно твердил он себе, приподнимаясь, однако же, с места. Ему никак нельзя уйти, пока он не узнает наконец, что такое реформы Дракона. Но та самая сила, которая тянула его к окну, теперь заставила его подойти к столу, положить учебник истории поверх других учебников, отпереть дверь и выйти в переднюю. Джо сам не помнил, как он все это сделал. Он попытался вернуться, но тут ему пришло в голову, что он может выйти на самое короткое время, а потом ничто не помешает ему прийти назад и закончить свое дело. Всего на несколько минут, — давал он мысленное обещание, спускаясь с лестницы. Джо шел все быстрее и быстрее и под конец уже перепрыгивал через две ступеньки на третью. Кое-как надев впопыхах кепку, он стремглав вылетел через боковую дверь. И прежде чем он добежал до угла, все реформы Дракона провалились куда-то в далекое прошлое вместе с самим Драконом, а предстоящие завтра экзамены отодвинулись так же далеко в туманное будущее.

Глава III КРАСНЫЙ, БУРЫЙ И РЫЖИЙ

— Что вы затеваете? — спросил Джо у Фреда и Чарли.

— Будем пускать воздушных змеев, — ответил Чарли. — Идем скорее, нам надоело тебя дожидаться.

Все трое пошли по улице в ту сторону, где холм круто обрывался вниз и откуда видно было как на ладони всю Юнион-стрит, расстилавшуюся далеко под ними. Этот квартал назывался у них Преис-

подней, и такое название как нельзя более подходило к нему; самих же себя они прозвали «горцами». Спуск «горцев» в Преисподнюю считался у них предприятием весьма смелым.

Пускание змеев по всем правилам науки составляло любимое занятие трех удалых «горцев». Им ничего не стоило запустить в облака сразу шесть или восемь змеев на бечевке длиной с целую милю. Однако им часто приходилось пополнять свой запас змеев, потому что когда, случалось, оборвется бечевка, или свихнется и заковыляется какой-нибудь змей, волоча за собою все остальные, или внезапно затихнет ветер, то змеи их падали в Преисподнюю, а оттуда уж их возвратить было нельзя ничем: там, внизу, жили юные пираты и разбойники, принадлежащие к такому племени, которое отличалось весьма своеобразными понятиями о праве собственности.

Каждый раз после аварии какого-нибудь змея, запущенного «горцами», на следующий день можно было видеть, как этот же самый змей взвивался на бечевке, ведущей прямо к жилищу кого-либо из обитателей Преисподней. И обитатели Преисподней, которые были людьми бедными и не имели возможности овладеть всеми правилами науки запуска змея, стали обнаруживать большие успехи в искусстве управления ими с тех пор, как этим делом начали заниматься их соседи «горцы».

Забава «горцев» доставляла также немалую выгоду одному старому инвалиду-матросу, который умел чрезвычайно искусно мастерить отличные змеи благодаря своим познаниям по части воздушных течений и парусов. Он жил в ветхой лачуге возле самого берега, откуда мог следить сво-

ими тусклыми, старческими глазами за приливом и отливом, за прибывающими и удаляющимися судами, припоминая минувшее время, когда сам плавал на корабле.

Добраться до его лачуги можно было, только спустившись в Преисподнюю, куда и направились наши три молодца. Они часто ходили туда днем за змеями, но сегодня в первый раз отважились идти вечером, считая такое путешествие — и не без основания — весьма рискованным.

Преисподняя представляла собою не что иное, как тесный квартал городской бедноты, в котором ютилось самое пестрое, разноплеменное население, жившее в нищете бог весть чем и копошившееся в непроходимой грязи. Было еще не поздно, когда мальчики пробирались через этот квартал к своему поставщику-инвалиду. С ними не приключилось никаких неприятностей, и они шли, не обращая внимания на вызывающие позы и отпускаемые в их адрес насмешливые словечки попадавшихся навстречу уличных мальчишек.

Отставной моряк делал такие змеи, которые не только превосходно летали, но были вдобавок складными, и их было весьма удобно носить с собой.

Мальчики накупили целую кучу складных змеев. Каждый из них завернул свою покупку особо. Затем свертки были крепко стянуты бечевками. Взяв свои покупки под мышку, они тронулись в обратный путь.

— Берегитесь здешних ребят, — посоветовал им старый матрос на прощанье, — смотрите в оба; их у нас тут немало под вечер шатается по улицам.

— Мы не боимся! — ответил Чарли. — Коли надо, постоим за себя.

Привыкшие к просторным и тихим улицам верхней части города, путники наши были оглушены и смущены гвалтом этого тесного и смрадного человеческого муравейника. Им казалось, что они пробираются через какие-то чудовищные густые заросли. Они шли все рядом, плечо к плечу, в лабиринте узких улочек, как бы защищая друг друга и сторонясь этой чуждой им, дикой среды. То и дело натыкались они на детей, которые шныряли повсюду и попадались под ноги. Простоволосые нечесанные женщины перекликались между собой, сидя на крылечках, или сновали взад и вперед, неся в руках свои скудные покупки. Воздух был насыщен тяжелым запахом рыбы и гнилых овощей. Дюжие мужчины, сутулясь, неуклюжей походкой проходили мимо, и среди всей этой суматохи и толкотни осторожно пробирались тщедушные оборванные девочки с ведрами пенящегося пива в руках. Слышались громкий разноязычный говор, резкие выкрики, брань. Квартал этот гудел, как огромный человеческий улей, каковым он и был в действительности.

— Фу! Скорее бы выбраться отсюда, — сказал Фред.

Он произнес это шепотом; Джо и Чарли только кивнули в ответ. Им было не до разговоров, и они прибавили шаг, насколько позволяла толпа, испытывая состояние, знакомое путешественникам, заблудившимся в опасных и диких местах.

И на самом деле все кругом дышало враждебностью. По-видимому, обитателей квартала раздражало присутствие этих чистеньких мальчиков из

аристократической части города. Их то и дело задирали маленькие ребяташки, скалившие зубы с напускной храбростью и готовые обратиться в бегство при малейшем намеке на потасовку. А другие мальчуганы шли за ними шумной свитой, становясь смелее по мере того, как число их увеличивалось.

— Не связывайтесь, пожалуйста, с ними, — уговаривал товарищей Джо. — Не обращайтесь на них никакого внимания. Мы скоро выберемся отсюда.

— Как бы не так! — глухо промолвил Фред. — Погляди-ка сюда, мы попались.

На перекрестке, к которому они подходили, стояли четыре или пять подростков примерно одного с ними возраста. На эту группу падал свет от уличного фонаря. У одного из мальчуганов из-под шапки выбивались кирпично-красные кудри. Очевидно, это был Симпсон Красный, атаман прославленной шайки, неоднократно уже врывавшейся к ним на Гору и наводившей панику на юных джентльменов, которые моментально рассыпались по домам, в то время как их перепуганные папаши и мамыши бросались к телефонам звонить в полицию.

При виде этой компании ребяташки, гнавшиеся за «горцами» по пятам, задали стрекача — обстоятельство малоуспокоительное само по себе, — но друзья наши продолжали храбро идти вперед.

Рыжий мальчуган отделился от группы и загородил им дорогу. Они попробовали обойти его, но он вытянул руку, задержав их.

— Чего вы тут шляетесь? — сердито спросил он. — Какого черта вам здесь надо?

— Мы идем домой, — спокойно ответил Фред. Красный метнул глазами на Джо.

— А что у тебя под мышкой? — спросил он.

Джо крепился и молчал.

— Идем! — дернул он за руку Фреда, стараясь прошмыгнуть мимо Красного.

Но тот неожиданно ударил Джо кулаком по лицу и выдернул сверток со змеями.

Джо с криком ярости набросился на обидчика, забыв всякую осторожность.

Предводитель шайки никак не ожидал, что его атакуют на его собственной территории. Он отступил, крепко держа сверток и не зная, на что решиться — вступить в драку или улизнуть с добычей. Желание завладеть свертком победило, и он кинулся бежать со всех ног по узкому переулку.

Джо сознавал, что находится в самом сердце вражеского стана, но чувство собственности и оскорбленного достоинства толкнуло его броситься в погоню по горячему следу.

Фред и Чарли побежали за Джо, который значительно опередил их, а за ними бросились остальные, давая на ходу призывные свистки, очевидно служившие сигналом для сбора всей шайки. Скоро со всех сторон стали доноситься ответные свистки, и уже десятка два темных фигурок настигали Фреда и Чарли, которые бежали что было сил, стараясь не упустить из виду своего быстрого товарища.

Красный Симпсон подался в сторону пустыря, рассчитывая на лазейки, сбивающие с толку того, кто не знаком с местностью, — на спасительные дыры в заборах и стенах, навесы, низкие крыши, проходные дворы и темные закоулки.

Но Джо ухитрился догнать Красного вовремя. Они сцепились и, рухнув на землю, катались по грязи, не выпуская друг друга из цепких рук. Когда Фред, Чарли и мчавшаяся за ними банда добежали до этого места, противники уже стояли на ногах, сердито глядя друг на друга.

— Чего тебе надо? — говорил Красный угрожающим голосом. — Чего тебе надо, хотел бы я знать, а?

— Отдай моих змеев! — ответил Джо.

Но Симпсон сам был большим любителем змеев. И сообщение, что в свертке змеи, его весьма обрадовало.

— В таком случае давай драться. Кто победит — тому и змеи, — объявил он.

— Почему это драться? — горячился Джо. — Они мои, и все тут.

Его негодование показывало только, что он не имел ни малейшего понятия о тех воззрениях на право собственности, которые усвоило местное население. Банда ребят, волчьей стаей столпившаяся позади своего вожака, завывала и замыкала хором.

— Почему это драться? — повторил Джо.

— Потому что я так хочу! — ответил Симпсон. — А что я хочу, то закон. Понял?

Но Джо не понял. Он отказывался понимать, каким образом воля Красного Симпсона могла быть законом в городе Сан-Франциско или в какой-либо части этого города. Чувство чести и порядочности было в нем сильно задето, и его охватил боевой задор.

— Ты мне сейчас же отдашь моих змеев, слышишь! — грозно скомандовал он, протягивая руку за свертком.